

**В клубе «Только стихия, только поэзия» 6 февраля 2013 года
Собрались в 398 раз!!!!**

Галина Феликсон Рассказывала об Иосифе Бродском, читала его стихи:
ОБ ИОСИФЕ БРОДСКОМ

Ко мне стихи Иосифа Бродского впервые попали на листочках, написанные от руки. Я тогда ещё ничего не знала о нём, кроме того, что он мой ровесник. Но стихи меня поразили удивительным стилем и необыкновенной темой. Они существенно отличались от появившихся тогда же в журнале «Юность» стихов Евтушенко, Вознесенского, Рождественского и других молодых поэтов, опубликованных в 1960 году.

Чтобы не быть голословной, приведу вам эти стихи.

* * *

Еврейское кладбище около
Ленинграда.

Кривой забор из гнилой фанеры.
За кривым забором лежат рядом
юристы, торговцы, музыканты,
революционеры.

Для себя пели.
Для себя копили.
Для других умирали.
Но сначала платили налоги,
уважали пристава,
и в этом мире, безвыходно
материальном,
толковали Талмуд,
оставаясь идеалистами.

Может, видели больше.
А, возможно, верили слепо.
Но учили детей, чтобы были терпимы
и стали упорны.
И не сеяли хлеба.
Никогда не сеяли хлеба.
Просто сами ложились
в холодную землю, как зерна.
И навек засыпали.
А потом -- их землей засыпали,
зажигали свечи,
и в день Поминовения
голодные старики высокими голосами,

задыхаясь от голода, кричали об
успокоении.

И они обретали его.
В виде распада материи.

Ничего не помня.
Ничего не забывая.
За кривым забором из гнилой фанеры,
в четырех километрах от кольца
трамвая.

1958

Памятник Пушкину

*...И Пушкин падает в голубоватый
колючий снег*

Э. Багрицкий.

...И тишина.
И более ни слова.
И эхо.
Да еще усталость.
...Свои стихи
доканчивая кровью,
они на землю глухо опускались.
Потом глядели медленно
и нежно.
Им было дико, холодно
и странно.
Над ними наклонялись безнадежно
седые доктора и секунданты.
Над ними звезды, вздрагивая,
пели,

над ними останавливались
ветры...

Пустой бульвар.
И пение метели.
Пустой бульвар.
И памятник поэту.
Пустой бульвар.
И пение метели.
И голова
опущена устало.

...В такую ночь
ворочаться в постели
приятней,
чем стоять
на пьедесталах.

Пилигримы

*"Мои мечты и чувства в сотый раз
Идут к тебе дорогой пилигримов"
В. Шекспир*

Мимо ристалищ, капищ,
мимо храмов и баров,
мимо шикарных кладбищ,
мимо больших базаров,
мира и горя мимо,
мимо Мекки и Рима,
синим солнцем палимы,
идут по земле пилигримы.

Увечны они, горбаты,
голодны, полуодеты,
глаза их полны заката,
сердца их полны рассвета.
За ними поют пустыни,
вспыхивают зарницы,
звезды горят над ними,
и хрипло кричат им птицы:
что мир останется прежним,
да, останется прежним,
ослепительно снежным,
и сомнительно нежным,
мир останется лживым,
мир останется вечным,
может быть, постижимым,
но все-таки бесконечным.
И, значит, не будет толка
от веры в себя да в Бога.
...И, значит, остались только
иллюзия и дорога.
И быть над землей закатам,
и быть над землей рассветам.
Удобрить ее солдатам.
Одобрить ее поэтам. 1958

* * *

*"То, что дозволено
Юпитеру,
не дозволено быку..."*

Каждый пред Богом
наг.
Жалок,

наг
и убог.
В каждой музыке
Бах,
В каждом из нас
Бог.
Ибо вечность --
богам.
Бренность --
удел быков...
Богово станет
нам
Сумерками богов.
И надо небом
рискнуть,
И, может быть,
невпопад
Еще не раз нас
распнут
И скажут потом:
распад.
И мы
завоем
от ран.
Потом
взалкаем даров...
У каждого свой
храм.
И каждому свой
гроб.
Юродствуй,
воруй,
молись!

Будь одинок,
как перст!..
...Словно быкам --
хлыст,
вечен богам
крест. 1958

Всё это было написано в 1958 году, когда автору этих удивительных строк было 18 лет.

Иосиф Бродский родился 24 мая 1940 года в еврейской семье, где папа – фотокорреспондент, мама – бухгалтер, тётя – актриса. Вот только детство пришлось на войну, блокаду и послевоенную нищету. В 1947 году Иосиф пошёл в школу. Пай-мальчиком, вероятно, не был, так как поменял три школы и в седьмом классе остался на второй год. Подал заявление в морское училище, но принят не был. Снова перешёл в другую школу, где продолжил учёбу в седьмом классе, но едва начав восьмой класс, школу бросил: в школе снова возникли какие-то проблемы.

Дальше пошла очень пёстрая жизнь. Ученик на заводе, попытка поступить в школу подводников, работал помощником прозектора в морге – загорелся стать врачом, но больше месяца не выдержал. Истопник в котельной, матрос на маяке, рабочий в геологических экспедициях.

В тоже время он читает много и хаотично – поэзию, философскую и

религиозную литературу, учит английский и польский языки.

14 февраля 1960 года состоялось первое крупное публичное выступление Бродского на турнире поэтов в ленинградском Дворце культуры, где присутствовали известные поэты. Он читал как раз те стихи, с которых я начала этот свой рассказ о нём. Его выступление закончилось скандалом.

В декабре 1960 года в Самарканде Бродский и его друг Шахматов (бывший лётчик) рассматривали план захвата самолёта, чтобы улететь за границу, но не решились на это. Позднее Шахматов, арестованный за незаконное хранение оружия, сообщил в КГБ об этом плане, а также о другом своем друге, Уманском, и его «антисоветской» рукописи, которую Шахматов и Бродский пытались передать случайно встреченному американцу.

29 января 1961 г. Бродский был задержан КГБ, но через двое суток был освобожден.

В августе 1961 года в Комарове он знакомится с Анной Ахматовой. Дружба с ней продолжалась до смерти Ахматовой в 1966 году. И Иосиф становится одним из «ахматовских сирот».

По собственным словам, Бродский начал писать стихи в восемнадцать лет, однако существует несколько стихотворений, датированных 1956—1957

годами. «Пилигримы», «Памятник Пушкину», «Рождественский романс» — наиболее известные из ранних стихов Бродского. Для многих из них характерна ярко выраженная музыкальность.

Гладиаторы

Простимся.
До встреч в могиле.
Близится наше время.
Ну, что ж?

Мы не победили.
Мы умрем на арене.
Тем лучше.
Не облысеем
от женщин, от перепоя.

...А небо над Колизеем
такое же голубое,
как над родиной нашей,
которую зря покинул
ради истин,
а также
ради богатства римлян.

Впрочем,
нам не обидно.
Разве это обида?
Просто такая,
видно,
выпала нам
планида...

Близится наше время.
Люди уже расселись.
Мы умрем на арене.
Людям хочется зрелищ.

Элегия

Издержки духа -- выкрики ума
и логика, -- вы равно хороши,
когда опять белесая зима
бредет в полях безмолвнее
души.

О чем тогда я думаю один,
зачем гляжу ей пристально вослед.
На этот раз декабрь предвосхитил
ее февральских оттепелей свет.

Какие предстоят нам холода.
Но, обогреты давностями, мы
не помним, как нисходят города
на тягостные выдохи зимы.

Безумные и злобные поля!
Безумна и безмерна тишина их.
То не покой, то темная земля
об облике ином напоминает.

Какой-то ужас в этой белизне.
И вижу я, что жизнь идет как вызов
бесславию, упавшему извне
на эту неосознанную близость.

1960

Одиночество

Когда теряет равновесие
твое сознание усталое,
когда ступеньки этой лестницы
уходят из под ног,
как палуба,
когда плюет на человечество
твое ночное одиночество, --

ты можешь
размышлять о вечности
и сомневаться в непорочности
идей, гипотез, восприятия
произведения искусства,
и -- кстати -- самого зачатия
Мадонной сына Иисуса.
Но лучше поклоняться данности
с глубокими ее могилами,
которые потом,
за давностью,
покажутся такими милыми.
Да.

Лучше поклоняться данности
с короткими ее дорогами,
которые потом
до странности
покажутся тебе
широкими,
покажутся большими,
пыльными,
усеянными компромиссами,
покажутся большими крыльями,

покажутся большими птицами.

Да. Лучше поклонятся данности
с убогими ее мерилami,
которые потом до крайности,
послужат для тебя перилами
(хотя и не особо чистыми),
удерживающими в равновесии
твои хромящие истины
на этой выщербленной лестнице.

1959

29 ноября 1963 года в газете «Вечерний Ленинград» появилась статья «Окололитературный трутень», подписанная Лернером, Медведевым и Иониным. В статье Бродский клеймился за «паразитический образ жизни». Из стихотворных цитат, приписываемых авторами Бродскому, две взяты из стихов Бобышева, а третья, из поэмы Бродского «Шествие», представляла собой окончания шести строк, от которых отрезаны первые половинки. Стихотворение «Люби проездом родину друзей...» было исковеркано авторами фельетона следующим образом: первая строчка «Люби проездом родину друзей» и последняя «Жалей проездом родину чужую» были объединены в одну «люблю я родину чужую».

Было очевидно, что статья является заказной, сигналом к преследованиям и, возможно, аресту Бродского, как злостного клеветника и тунеядца. На этот период приходится его попытка самоубийства, не выдержавшего травли и шельмования.

8 января 1964 года «Вечерний Ленинград» опубликовал подборку писем читателей с требованиями наказать «тунеядца Бродского». Самое смешное, что всё шло по обычному принципу: не читал, но осуждаю. И 13 февраля 1964 года Бродского арестовали по обвинению в тунеядстве. 14 февраля у него случился в камере первый сердечный приступ. С этого времени Бродский постоянно страдал стенокардией, которая всегда напоминала ему о возможной близкой смерти

13 марта 1964 года на втором заседании суда Бродский был приговорён к максимально возможному сроку наказания по указу о «тунеядстве» — пяти годам принудительного труда в отдалённой местности. Он был сослан в Коношский район Архангельской области и поселился в деревне Норенская. Бродский назвал это время самым счастливым в своей жизни. В ссылке Бродский изучал английскую поэзию.

В августе и сентябре несколько стихотворений Иосифа были

опубликованы в коношской районной газете «Призыв».

Суд над Иосифом Бродским выплеснулся за пределы СССР. Стенограмма судебного заседания ходила по рукам вместе со стихами и была опубликована в нескольких влиятельных зарубежных СМИ. По прошествии полутора лет, в сентябре 1965 года под давлением российской и мировой общественности (в частности, после обращения к советскому правительству ряда зарубежных писателей) срок ссылки был сокращен до фактически отбытого.

В октябре 1965 года Бродский по рекомендации Корнея Чуковского был принят в Группком переводчиков при Ленинградском отделении Союза писателей СССР, что позволило в дальнейшем избежать новых обвинений в тунеядстве.

В 1965 году большая подборка стихов Бродского и стенограмма суда были опубликованы в альманахе «Воздушные пути-IV» в Нью-Йорке.

12 мая 1972 года Бродского вызвали в ОВИР ленинградской милиции и поставили перед выбором: эмиграция или «горячие денёчки», то есть тюрьмы и психбольницы. К тому времени Бродскому уже дважды приходилось проводить по несколько недель в психиатрических больницах, что было для него намного

страшнее тюрьмы и ссылки. Выбрав эмиграцию, Бродский пытался максимально оттянуть день отъезда, но (возможно, в связи с визитом в СССР президента Никсона) власти СССР хотели отправить его за рубеж как можно быстрее.

. В США Бродский работал в должности приглашённого профессора на кафедре славистики, преподавал историю русской литературы, русской поэзии XX века, теорию стиха. Не окончивший даже школы Бродский работал в общей сложности в шести американских и британских университетах, Продолжая писать на английском языке, получил широкое признание в научных и литературных кругах США и Великобритании, удостоен Ордена Почётного легиона во Франции. Занимался литературными переводами на русский и на английский. В 1986 году сборник эссе Бродского («Меньше единицы») был признан лучшей литературно-критической книгой года в США.

В 1987 году Бродский стал лауреатом Нобелевской премии по литературе, которая была присуждена ему «за всеобъемлющее творчество, насыщенное ясностью мысли и поэтической интенсивностью». В Стокгольме на вопрос интервьюера, считает ли он себя русским или американцем, Бродский ответил: «Я

еврей, русский поэт и английский эссеист». В других случаях определял себя: «еврей, русский поэт и американский гражданин. Часть Нобелевской премии Бродский выделил на создание ресторана «Русский самовар», ставшего одним из центров русской культуры в Нью-Йорке. Сам он до конца жизни оставался одним из знаменитых его постоянных посетителей. Бродский являлся также лауреатом стипендии Макартура, Национальной книжной премии и был избран Библиотекой Конгресса поэтом-лауреатом США.

С началом Перестройки в СССР стали публиковаться стихи Бродского, литературоведческие и журналистские статьи о поэте. В 1990-х годах начали выходить книги. В 1995 году Бродскому было присвоено звание Почётного гражданина Санкт-Петербурга. Последовали приглашения вернуться на родину. Бродский откладывал приезд: его смущала публичность такого события, чествования, внимание прессы, которыми бы сопровождался его визит. Одним из последних аргументов было: «Лучшая часть меня уже там — мои стихи».

В 1990 году Бродский женился на русско-итальянской переводчице Марии Соццани. С их общей дочерью он говорил по-английски.

Субботним вечером 27 января 1996 года в Нью-Йорке Бродский готовился ехать в Саут-Хедли и собрал в портфель рукописи и книги, чтобы завтра взять с собой. В понедельник начинался весенний семестр. Пожелав жене спокойной ночи, Бродский сказал, что ему нужно ещё поработать, и поднялся к себе в кабинет. Утром, на полу в кабинете его и обнаружила жена. Бродский был полностью одет. На письменном столе рядом с очками лежала раскрытая книга — двуязычное издание греческих эпиграмм. Сердце, по мнению медиков, остановилось внезапно — инфаркт, поэт умер в ночь на 28 января 1996 года.

Евгений Лифшиц прочёл стихи Бродского

Пьяцца Матте'и

I

Я пил из этого фонтана
в ущелье Рима.
Теперь, не замочив кафтана,
канаю мимо.
Моя подружка Микелина
в порядке штрафа
мне предпочла кормить павлина
в имени графа.

II

Граф, в сущности, совсем не мерзок:
он сед и строен.
Я был с ним по-российски дерзок,
он был расстроен.
Но что трагедия, измена
для славянина,
то ерунда для джентльмена
и дворянина.

IV

Не смешивает пахарь с пашней
плодов плачевных.
Потери, точно скот домашний,
блюдет кочевник.
Чем был бы Рим иначе? гидом,
толпой музея,
автобусом, отелем, видом
Терм, Колизея.

V

А так он -- место грусти, выи,
склоненной в баре,
и двери, запертой на виа
дельи Фунари.
Сидишь, обдумывая строчку,
и, пригорюнясь,
глядишь в невидимую точку:
почти что юность.

VII

Нет, я вам доложу, утрата,
завал, непруха
из вас творят аристократа
хотя бы духа.
Забудем о дешевом графе!
Заломим брови!
Поддать мы в миг печали вправе
хоть с принцем крови!

VIII

Зима. Звенит хрусталь фонтана.
Цвет неба -- синий.
Подсчитывает трамонтана
иголки пиний.
Что год от февраля отрезал,
он дрожью роздал,
и кутается в тогу цезарь
(верней, апостол).

IX

В морозном воздухе, на редкость
прозрачном, око,

невольно наводясь на резкость,
глядит дал?ко --
на Север, где в чаду и в дыме
кует червонцы
Европа мрачная. Я -- в Риме,
где светит солнце!

X

Я, пасынок державы дикой
с разбитой мордой,
другой, не менее великой
приемыш гордый, --
я счастлив в этой колыбели
Муз, Права, Граций,
где Назо и Вергилий пели,
вещал Гораций.

XI

Попробуем же отстраниться,
взять век в кавычки.
Быть может, и в мои страницы
как в их таблички,
кириллицею не побрезгав
и без ущерба
для зренья, главная из Резвых
взглянет -- Эвтерпа.

XII

Не в драчке, я считаю, счастье
в чертоге царском,
но в том, чтоб, обручив запястье
с котлом швейцарским,
остаток плоти терракоте

подвергнуть, сини,
исколотой Буонаротти
и Борромини.

XIII

Спасибо, Парки, Провиденье,
ты, друг-издатель,
за перечисленные деньги.
Сего податель
векам грядущим в назиданье
пьет шоколатта
кон панна в центре мирозданья
и циферблата!

XIV

С холма, где говорил октавой
порой иною
Тасс, созерцаю величавый
вид. Предо мною --
не купола, не черепица
со Св. Отцами:
то -- мир вскормившая волчица
спит вверх сосцами!

XV

И в логове ее я -- дома!
Мой рот оскален
от радости: ему знакома
судьба развалин.
Огрызок цезаря, атлета,
певца тем паче
есть вариант автопортрета.
Скажу иначе:

XVI

усталый раб -- из той породы,
что зрим все чаще --
под занавес глотнул свободы.
Она послаще
любви, привязанности, веры
(креста, овала),
поскольку и до нашей эры
существовала.

XVII

Ей свойственно, к тому ж, упрямство.
Покуда Время
не поглупеет как Пространство
(что вряд ли), семя
свободы в злом чертополохе,
в любом пейзаже
даст из удушливой эпохи
побег. И даже

XVIII

сорвись все звезды с небосвода,
исчезни местность,
все ж не оставлена свобода,
чья дочь -- словесность.
Она, пока есть в горле влага,
не без приюта.
Скрипи, перо. Черней, бумага.
Лети, минута.

февраль 1981

Виктор Мирочник прочёл статью о Бродском и несколько стихов: Рыжий и Четыреждыгерой. Александр Бирштейн

Что же это у нас получается. Посадили Рыжего при Кукурузнике, а вернулся он из ссылки при Четыреждыгерое. Прямо, как космонавт известный, который, улетаю в космос, прощался с Кукурузником, как с отцом родным, а вернувшись, узнал, что отец родной и сам полетел. Но Рыжий-то в космос не летал, а гораздо дальше. В смысле тоски, горестей и страданий. Но все проходит... Во всяком случае, так твердят. Некоторые из друзей Рыжего вообще рассказывают, что ссылка для Рыжего оказалась благословением Божиим, эдакой Болдинской осенью. Зачем они так? Может из зависти?

Выходит, можно завидовать тоске, беде, неустроенности, одиночеству... Когда «... сердце что-то екает в груди, напуганное страшной тишиной пространства...».

Поэзия, запертая замками, да, что там поэзия – человек!

Колочей проволоки лира

Маячит позади сортира.

Болото всасывает склон.

И часовой на фоне неба....

«Часовой на фоне неба....» – как-то прежде не обращал внимания на эту строку. А теперь ужаснулся. Ведь этот самый часовой – это фон, неизменный и нерушимый. Для Рыжего... Ну, почему, почему великие поэты в нашей стране так неприемлемы ее вождям? Отвлекусь.

Несколько дней назад смотрел передачу, в которой три дяденьки умно рассуждали о поэзии и судьбе Рыжего. Наиболее категоричен был поэт Евгений Одер. Что поразило. Рассказывая о вынужденном отъезде Рыжего в гости к дяде Сёме, Одер позволил себе сказать, что Рыжий, покинув свою страну, был в «большом порядке». Едва он прилетел в городок Вену, его встретили и повезли на виллу поэта Одена, потом он поехал в Англию, Венецию, дальше в Америку, где Рыжего сразу обеспечили работой и славой... Да-а... Классные друзья были у Рыжего... А как быть с любовью?

... Я взбиваю подушку мычащим «ты»

за морями, которым конца и края,
в темноте всем телом твои черты,
как безумное зеркало повторяя.

А как быть с родиной? Как быть с письмом
к Четыреждыгерою, где Рыжий написал,
что переставая быть гражданином СССР,
он остается русским поэтом? Интересно,
а может тогда-то Четыреждыгерой узнал
доподлинно о существовании Рыжего?
Хотя... Вряд ли. Уж больно
Четыреждыгерою по поводу Рыжего
досаждали. Так вернул же его из этой, как
ее, ссылки... - Господи Ты наш, дорогой
товарищ Генералиссимус, вразуми и
просвети! Ну, что этому Рыжему надо? ...
То есть все основания быть спокойным.
Никто уже не кричит: «По коням!» ;
Дворяне выведены под корень.
Ни тебе Пугача, ни Стеньки.
Зимний взят, если верить байке.
Джугашвили хранится в консервной
банке...

Доигрались товарищи чекисты и вожди
их... тоже чекисты. Рыжий стал
гражданином. Не в протоколе допроса, а в
жизни той, гадской, что вы всем нам
учинили. Он даже формулу нашего
существования вывел!
...Рабство всегда порождает рабство.
Даже с помощью революций...
О, этот Рыжий уже много знает о себе!
Или мнит? Если спросить его друзей, то,
скорее, мнит. Если спросить его

почитателей... Но, кто у них спрашивать-то будет? Вернее, спросить-то можно. Еще как можно! Почитатель, стало быть, читатель! А где читали? Что читали? Самиздатом балуетесь? Нет? А откуда эти строки взяли:

... как тень моя, впуски с небом,
повсюду начнет возвещать обо мне тебе,
как заправский мессия,

и корчиться будет на каждой стене
в том доме, чья крыша – Россия.

Что же это делается, товарищи! Выискался
какой-то Рыжий и в поэты набивается.

Четыреждыгерой твердо знал, что
настоящий поэт в стране только один. Да и
тот Гимнюк. На остальных страна как-то
не рассчитывала. Опять же, во все этот
Рыжий нос свой сует. Не успели войска на
экскурсию, только на экскурсию в Прагу
ввести, как издеваться начинает. Над чем,
подлец, смеется? Над, страшно сказать,
интернациональным долгом!

... Только душам нужны тела.

Души ж, известно, чужды злорадства,

И сюда нас, думаю, завела

Не стратегия даже, но жажда братства;

Лучше в чужие встравать дела,

Коли в своих нам не разобраться....

Так думал Четыреждыгерой о Рыжем?

Вряд ли. Даже предполагая это, все-таки
идеализирую Четыреждыгероя. Но у него
были советники. А у советников были
советчики. А у советчиков были

информаторы. А информаторы, порой, и стихами баловались. И не покидал их растерянный вопрос: - За что? У информаторов были деньги, тиражи, блага... Талант? Да, кое у кого и талант. Но тщательно скрываемый. Может, за то, что талант свой скрывать приходилось, так ненавидели они Рыжего. Он-то свободен быть талантливый! А еще он свободен взять и сказать:

Частокол застав, границ
что горе воззреть, что ниц, - как он
выглядит с высот,
леprozорий для двухсот
миллионов?

И это о стране победившего социализма? Ну-знаете... Говорят, что Четыреждыгерой не хотел подписывать Хельсинкское соглашение. Не нравилось оно ему. Но его убедили. И одним из аргументов было то, что доблестные органы уговорят многих и многих врагов покинуть страну. И Рыжего, в том числе. Так и произошло... Из одной из самых несвободных стран мира, из концлагеря выбрасывали Рыжего на свободу. А он не хотел. А он страдал по концлагерю. - Родина! - кто-то скажет... - В том то и беда, что у великих поэтов всегда есть Родина. В том то и счастье. Счастье и беда...

«Ни страны, ни погоста
Не хочу выбирать.
На Васильевский остров

Я приду умирать...»
Доверчиво стихосложение. Еще
доверчивей поэт...

* * *

Ни страны, ни погоста
не хочу выбирать.
На Васильевский остров
я приду умирать.
Твой фасад темно-синий
я впотьмах не найду.
между выцветших линий
на асфальт упаду.
И душа, неустанно
поспешая во тьму,
промелькнет над мостами
в петроградском дыму,
и апрельская морось,
над затылком снежок,
и услышу я голос:
- До свиданья, дружок.
И увижу две жизни
далеко за рекой,
к равнодушной отчизне
прижимаясь щекой.
- словно девочки-сестры
из непрожитых лет,
выбегая на остров,
машут мальчику вслед.

* * *

Я памятник воздвиг себе иной!
К постыдному столетию - спиной.

К любви своей потерянной - лицом.
И грудь - велосипедным колесом.
А ягодицы - к морю полуправд.
Какой ни окружай меня ландшафт,
чего бы ни пришлось мне извинять,-
я облик свой не стану изменять.
Мне высота и поза та мила.
Меня туда усталось вознесла.
Ты, Муза, не вини меня за то.
Рассудок мой теперь, как решето,
а не богами налитый сосуд.
Пускай меня низвергнут и снесут,
пускай в самоуправстве обвинят,
пускай меня разрушат, расчленят,-
в стране большой, на радость детворе
из гипсового бюста во дворе
сквозь белые незрячие глаза
струей воды ударю в небеса.

Яков Меренбах прочёл стихи из сборника
«Бат Ямбы» № 5

ГОЛЬДБЕРГ

ЭДУАРД

ДРУЗЬЯМ

Я в памяти своей
Хочу всех вас сберечь,
К вам мысленно
Протягиваю руки.
Всё реже радость
Задуманных встреч,
Всё чаще горечь
Тягостной разлуки.
Пока что голова ещё светла,
Прикрыв глаза,
Я вижу ваши лица.
И говорю вам
Добрые слова,
Желая перед вами
Повиниться.
За то, что, может быть,
Кому-то невзначай,
Я сделал больно.
Вы меня простите...
Я приготовлю вам сейчас
Хороший чай.
Побудьте у меня!
Не уходите!

ЛОМАКО

ВЛАДИМИР

ЖИЗНЬ НЕ ЖДЁТ

Порой себя на мысли я ловлю:
Что мною сделано, каков итог работы?

Я не ору, что Родину люблю -
Пашу, пашу и обливаюсь потом.
А жизнь не ждёт, она идёт вперёд,
Житейский путь спокойным шагом мерьте.
И если сердце убавляет ход, -
Не думайте, пожалуйста, о смерти.

МЕРЕНБАХ ЯКОВ

* * *

На земле раскалённой
До точки плавления стали
Враждовать исступлённо
Коран и Талмуд не устали.
Так же видят в прицеле
Ружья два соседа друг друга.
Море Мёртвое в целом
Мелеет помалу на юге.
Оседают руина -
Стена Соломонова храма.
Изучает поныне
Наука находки Кумрана.
Если верить провидцам,
Пророкам юродивым, лешим,
Вряд ли бы возродиться
Стране, где святой не безгрешен.
Где добреют скупые,
Герои - вчерашние трусы,
Где когда-то Мария
Родила сектанта Исуса.
Где мольба ортодокса
О ливне забавна до смеха,
Как родиться отростку
От стебля сухого ореха.

Саркофагом Голаны
Лежат неприступно и грозно.
Арафат постоянно
Считает нас в пальце занозой.
Между знанием и верой
Борьба с давних пор без умолку.
Хрупкий мир эфемерный
С арабами спорного толка.
Страсть, вплетённая в думы,
Для многих с грядущим помолвка.
Хизбалла, цыц! Ни шума...
В стране мы всерьёз и надолго.
Правда, очень обидно,
Когда патриот моей жизнью
Расплатиться бесстыдно
Готов, как своей, за Отчизну.
Опустевшие пляжи.
Дожди. Средиземное море.
Совершают вояжи
Шахиды с клочка территорий...

ФЕЛИКСОН

ГАЛИНА

* * *

Я жду тебя отчаянно и слепо,
Не веря, не надеясь, просто жду.
Дни громоздятся грудой нелепой,
Сменяя ночи чёрную беду.
В ладонях время торопливо тает.
Глокает тишина мой робкий зов.
Холодных ливней полумгла густая
Смывает слабый шум твоих шагов.
Мне в уши мерно, монотонно каплет

Чужая, перепутанная ложь.
Я жду тебя, как чуда ждёт фанатик.
А ты всё не идёшь...

* * *

Я тебя не люблю. Не надо,
Не серчай.
Хочешь, я разделю с тобой радость
И печаль?
Хочешь, я подарю тебе ласку
И уют, и тепло?
Хочешь, я сотворю тебе сказку
Серой жизни назло?
Я тебя не люблю нисколько,
Но в беду
Обо мне лишь подумай только –
Я приду.
Сквозь любые пройду ненастья
И сквозь мрак.
Хочешь, я принесу тебе счастье –
Просто так?

ШЕХТЕР
ИНГА

БЕССОННИЦА
До весны всего одна минута,
До утра почти что целый год -
Стрелка, в ожидании как будто,
Замедляет свой круговорот.
Вдаль плывут дождливые туманы,
Вдаль уходят близкие друзья.
Было поздно или слишком рано

Что-либо менять. Календаря
Жёлтые осенние денёчки
Облетят с небеленой стены.
Самолёт белеющей точкой,
Растворясь в глубинах вышины,
За собой шершавую дорожку
Оставляет где-то там вчера.
До весны осталось лишь немножко,
Но ещё так долго до утра.

* * *

Подари меня веткам мимозы,
Подари полыхающим грозам,
Свету мягкому ранней зари,
Подари ты меня, подари.
    Подари меня радуге ясной,
    Той, что солнцем с дождём рождена,
    И свече, что сгорает так страстно,
    И любви, что тобой зажжена!
Подари меня травам весенним,
Подари меня листьям осенним,
Пенью птиц, шуму моря - судьбе,
Чтобы вместе быть мне и тебе,
    Чтобы я под твоими ногами,
    Чтобы я над твоей головой.
    Раствори меня в жизненной гамме,
    Чтобы вечно быть рядом с тобой.

* * *

Мой воздух - дым от сигарет твоих.
Я вижу мир сквозь их стальные кольца.
Они мне тучи и они мне солнце,
Я задыхаюсь, утопая в них.

Накормлена сплетеньем сладких
слов

И острых незатейливых словечек
Я досыта. В окно сочится вечер,
А ветер силой дёргает засов.

Псов дикой стаей рвётся и кипит
От злости старый чайник - не от жара.
Вода по чашкам от него сбежала,
Но всё равно безжалостно горчит.

Я ем, не различая вкус и цвет.
Я с наслажденьем запиваю чаем
И счастливо за ужином скучаю
С тобою, дым вдыхая сигарет.

ИСМАИЛОВ РАФАЭЛЬ
ВЫСОКАЯ ОЦЕНКА

По залу выставки собак
С довольно важным видом
Осёл водил толпу зевак,
Где он работал гидом.

Трёх медалистов объявил:

- У двух по две медали,

А третий явно победил:

Ему четыре дали.

- За что? Ну, первый - баритон,

Поёт в соседнем баре.

Вторая сучка, но зато

Играет на гитаре.

Но кто-то перебил его:

- Что может победитель?

Осёл ответил: - Ничего!

Он их руководитель.

НЕПРИКАСАЕМЫЙ

На скотный двор, нарушив мир,
Пожаловал Баран.
Он славился как дебошир
И злостный хулиган.
Войдя, Осла боднул слегка,
Да так, что тот упал.
Увидел мирного Быка
И на него напал.
Через заборную дыру
Удрал дворовый пёс.
Баран пустую конуру
И в пух, и в прах разнёс.
В итоге, поломав загон
И покрошив забор,
Отправился с визитом он
В соседний скотный двор.
- В тюрьму сажать таких ребят,-
Вопил в слезах Осёл.
А Бык сказал: - Он депутат.
Такому можно всё.

ЗНАХАРКА

Ворона-гадалка лечила больных,
Где травами, где ворожбою.
Конечно, не всем помогало из них,
Но всё же не знала отбоя.
Лечила - кому не хватало ума -
Подагру и боль в пояснице.
Когда же, бывало, болела сама,
То тут же бежала в больницу.

Константин Баскович прочёл свои стихи:
***

«как выглядит спор»,
«что думает шар»,
идёт разговор,
а в душах – пожар.
и вот уже хор,
кричит во весь пар!
«как выглядит спор»,
«что думает шар»
но годы прошли,
и вот, никому,
на ум не пришли,
те блики во тьму...
«как выглядит спор»,
«что думает шар»,
сменилось с тех пор
достаточно пар

ботинок, штанов,
научных статей,
несбыточных снов,
плохих новостей
но слышно сквозь ор,
сквозь гибель и жар
«как выглядит спор?»,
«что думает шар?»....

***

Дабы в корень прекрасного мира,
Ибо ропот вселенной немой,
Улыбаться веками глазниц,
Наслаждаясь рождённым собой,
Продолжая рождаться, и лира
Закрывает кулисы ресниц.
Дабы в уйму ушедшую убыль
Погружаться всевидящим оком,
Тихо детство смолкает в преклонном,
Лоб ли трезвый, молочные ль зубы,
Или стёклышко лет в одиноком
Кресле и подоконнике школьном.
Защищённый властительной грудой,
Что и поручень поезда теплит
Огонь, что у входа в обитель
Вечной жизни и тяжести грубой,
Пока что не схожий на лепет
На конечной. Учитель.

Леонид Манпель прочёл рассказ «Байка старого артиллериста»